

Обещанные полчаса истекли — и Ю Юань не задержался ни на секунду. Выйдя из отцовского кабинета, он коротко бросил слова прощания родителям Фан Хуая, буквально выковырял Шэнь Ся из дивана и потащил к выходу.

Все это время он в упор не замечал Чжоу Шэннань. Та, кажется, уже привыкла: она сохраняла элегантную улыбку, но не могла отвести от сына взгляда, полного неприкрытой тоски.

Если бы не тетя Ван, которая выскочила следом с целой горой пакетов, Ю Юань, верно, успел бы за минуту завести мотор и рвануть с места. Глядя на его лихорадочную спешку, Шэнь Ся понял: это не гнев. Это позорное бегство.

Словно этот роскошный особняк был не родным домом, а логовом монстра или местом, где заложена бомба с часовым механизмом.

— Сяо Шэнь, тут фрукты, их в общежитии удобно мыть. Возьми с собой, витамины нужны, — тетя Ван была сама доброта. Она порывалась всучить ему целых два ящичка, но парень, отчаянно смущаясь, наотрез отказался. К тому же с больной рукой много не унесешь. Тогда тетя Ван проворно набила два пестрых пакета всякой всячиной: импортной черешней, водяными яблоками, спелыми манго и уже очищенным помело.

У Шэнь Ся даже руки не нашлось, чтобы вежливо отмахнуться, так что он просто усиленно мотал головой.

— Раны долго заживают, береги себя. Приходи еще в гости, — у тети Ван был заметный говор, точь-в-точь как у земляков Шэнь Ся. Ее путаный акцент, в котором то и дело проскальзывали южные нотки, звучал до того родным, что парень заскучал по матери. Хотелось, чтобы эта воркотня не кончалась.

— Тетя Ван, я за него возьму. Он вам очень благодарен, — Фан Хуай по-хозяйски подхватил пакеты и потянул Шэнь Ся к машине. — Ну, поехали.

Тетя Ван сунула Шэнь Ся в руки яблоко размером с кулак и обернулась к Фан Хуаю:

— Пакеты ваши Лао Чэнь в багажник сложил, сами разберете. Там еще вещи, мать Ю Юаня велела передать, — она потянула Фан Хуая за рукав и зашептала: — Положи их у него в комнате, скажи, что это я собрала. А то выкинет еще, жалко ведь.

Фан Хуай ударил себя в грудь:

— Понял.

— И не убегайте сразу, — она придвинулась еще ближе. — Мать Ю Юаня уже договорилась с главврачом Яном. Нужно скорее пройти обследование. Передай Ю Юаню, чтобы не вздумал

упрямиться, со здоровьем не шутят.

Фан Хуай кивнул с понимающим видом:

— Не волнуйтесь. Попробует отвертеться — я его в больницу хоть связанным притащу.

Тетя Ван похлопала его по плечу:

— На тебя вся надежда.

Садясь в машину, Шэнь Ся случайно глянул на порог. Чжоу Шэннань, набросив легкую шаль, застыла там подобно изваянию. Она скользнула взглядом по тонированному стеклу, за которым скрылся сын, и снова посмотрела на Шэнь Ся. Тот приподнял яблоко, прощаясь. Ему не показалось: женщина едва заметно кивнула и печально улыбнулась. Какой-то нерв в душе Шэнь Ся дрогнул. Он не стал садиться вперед, а открыл заднюю дверь и юркнул в салон.

— Юань-эр, когда в Третью больницу на обследование? Я с тобой съезжу, — едва машина вылетела на шоссе, Фан Хуай принялся выполнять наказ.

Ю Юань прибавил кондиционер и, подперев голову рукой, холодно бросил:

— Посмотрим.

— Мне нужно точное время, иначе не успокоюсь.

Ю Юань раздраженно выдохнул:

— Сколько тебе заплатила Чжоу Шэннань? Я дам вдвое больше, только замолчи.

— Дело не в твоей матери. Тетя Ван места себе не находит, на выходе меня за рукав ловила. Не веришь — у Шэнь Ся спроси.

Внезапно оказавшись в центре внимания, Шэнь Ся подался вперед и, вцепившись в спинки кресел, закивал. Ю Юань резко посмотрел на него через зеркало заднего вида, и парень виновато втянул голову в плечи.

Фан Хуай продолжал капать на мозги:

— Других ты не слушаешь, но тетю Ван обижать нельзя. Ты же к ней с детства привязан больше всех. Видел, как она хлопотала? Да она ради твоего приезда готова была пир на весь мир закатить.

Понимая, что это не кончится, Ю Юань сдался:

— В следующую пятницу, идет? Можешь бежать с докладом.

Фан Хуай вытащил телефон и пробурчал под нос:

— Я, черт возьми, за тебя боюсь, помрешь еще, а ты огрызаешься.

«Помрешь?» Шэнь Ся не на шутку испугался. Опершись на подлокотник, он быстро нацарапал записку и протянул Фан Хуаю: «Брат Ю Юань серьезно болен? Это опасно?»

— Почерк — загляденье, — Фан Хуай улыбнулся и показал бумажку другу: — На, сам объясняйся.

— Просто обследование. Ничего серьезного, — буднично отозвался Ю Юань.

Всю дорогу Шэнь Ся размышлял о Ю Юане. Пытался понять, что заставляет его так вспыхивать. За те полчаса в особняке Чжоу Шэннань произвела на него приятное впечатление. Если отбросить ее грозные титулы, она вела себя очень внимательно и мягко даже с ним, совершенно посторонним человеком. Совсем не походила на стереотипную «мамашу с чеком на пять миллионов». А уж как она смотрела на сына... Она искренне за него переживала, и это было заметно по её глазам. И даже когда Ю Юань демонстративно ее игнорировал, она продолжала заботиться, передавая просьбы через тетю Ван. Обычные материнские тревоги: сыт ли, здоров ли. А в ответ — глухая стена отчуждения.

Со стороны ненависть Ю Юаня казалась какой-то противоестественной. И вся эта компания, включая родителей Фан Хуая, будто привыкла к подобному: никто не пытался их мирить, все молча игнорировали конфликт. Шэнь Ся раздирало любопытство. Хотя они знакомы всего пару дней, Ю Юань явно не был плохим человеком — он помог незнакомцу, отвез в больницу, приютил. Почему же с родной матерью он вел себя так жестоко?

Неужели из-за той фразы про «мечь»? Значит, корень зла в том самом «таком же человеке».

Может, Ю Юань влюбился в школе, а мать разрушила его счастье? Шэнь Ся мысленно дорисовал картину: Ю Юаню двадцать, кровь кипит, любовь кажется смыслом жизни. Избранница наверняка была под стать ему, но что-то пошло не так. И, скорее всего, девушка была из бедной семьи, а мать решила, что той нужны только деньги, и выставила ее вон. Не поэтому ли Ю Юань швырнул тысячу за две миски лапши?

Наверняка злится на несправедливость мира, на тех, кто не понял его чувств, на пошлую привычку судить всех по себе.

Шэнь Ся посмотрел в зеркало на его холодный, меланхоличный профиль и почувствовал укол

жалости. Какой же он упрямый и несчастный... Достав блокнот, парень принялся строчить страницу за страницей.

У общежития старшекурсники хотели проводить его до комнаты, но Шэнь Ся не позволил. Он всучил Ю Юаню через окно пачку записок, прижал к груди огромное яблоко и поспешно скрылся в дверях.

— Ничего себе! В наше-то время — и записки. Что за секреты? Дай гляну, — Фан Хуай на переднем сиденье так и подскочил от любопытства.

Ю Юань вырулил в сторону Международного колледжа. Чтобы спасти тайные послания, он скомкал их и зажал между бедрами.

— Только тронь — завтра же нажалуюсь Сяонаню, что ты ко мне пристаешь.

— Да ну тебя, — Фан Хуай обиженно отдернул руку. — У него и так ревность через край, вечно мне проблемы устраивает.

Припарковавшись у корпуса, они не спешили выходить. Ю Юань достал из автомобильного холодильника две банки лимонада, открыл люк и замер, подставив лицо ночной прохладе.

Фан Хуай достал сигареты:

— Будешь?

— Давай, — Ю Юань затянулся. Никотин немного унял бушевавшие внутри эмоции. — Отец говорил об учебе за границей. Тебе тоже предлагал?

— Угу, спрашивал просто. Если мы оба рванем в Штаты, наши семьи, скорее всего, объединят зарубежные проекты, — Фан Хуай замолчал на секунду. — Ты-то сам что думаешь?

— А разве мое мнение что-то значит? — Ю Юань выпустил облако дыма, наблюдая, как оно тает в воздухе. — Куда ехать, чем заниматься, с кем... Даже если у меня будут идеи, итог один: она найдет способ сделать по-своему.

— Тетя Чжоу из кожи вон лезет ради тебя, хотя иногда и перегибает, — заметил Фан Хуай. — Но она ведь о твоём будущем печется.

Это была правда. Ю Юань не был дураком и понимал, что мать желает ему «блистательного будущего». Вот только с самого детства Чжоу Шэннань решала всё, исходя из собственных соображений, никогда не спрашивая сына. Раз она мать и делает это «ради его блага», желания Ю Юаня в расчет не принимались.

Когда Ю Юань подростом, у него появились свои мечты и принципы. Но стоило им разойтись с планами Чжоу Шэннань, как она тут же пускала в ход всё свое влияние, чтобы задушить любые его начинания на корню. Она была успешной, властной женщиной, и её житейской хитрости с лихвой хватало, чтобы виртуозно манипулировать собственным сыном. Не шла на открытый конфликт, не кричала, а зывала к логике, к чувствам, к долгу перед матерью. И в конце концов выходило так, что любые возражения Ю Юаня выглядели как черная неблагодарность и ребячество.

Фан Хуай со вздохом припомнил:

— Тетя Чжоу — это нечто. Хорошо, что моя мать не такая, я бы точно свихнулся.

— А то ты не знаешь, — глухо отозвался Ю Юань. — Одного-то она уже довела.

Ю Юань учился в средней школе не в Юйчэне, а в родном городе. Тогда их семейный бизнес только начал захватывать северные мегаполисы. Родителей он все равно почти не видел, так что парню было всё равно, где учиться, лишь бы в университет уехать подальше. Он хотел закончить школу дома, но Чжоу Шэннань была против. Они сшиблись лбами.

И вот в один прекрасный день директор и классный руководитель по очереди вызвали Ю Юаня «на разговор». Не спросив его, они объявили классу о его переводе. А когда он вернулся домой, там уже расхаживали риелторы с покупателями — мать велела продать дом в течение недели.

Чжоу Шэннань была способна на такое: продать дом, лишь бы выжить сына из города. Она умела обрабатывать людей, действовать мягко или жестко, не считаясь с затратами. Главное — результат.

— Помнишь, как мы мелкими в баскетбол играли? Ты руку ободрал, и она тебе запретила на площадку соваться. Ты втихаря через забор с уроков сбегал, так она выставила шеренгу охранников, чтобы тебя ловили, — Фан Хуай усмехнулся. — За тобой каждый день после школы хвост ходил. Сколько это длилось?

— Полгода, — отрезал Ю Юань.

Тогда он был еще в начальной школе. Обычная царапина, на которую в любой другой семье и внимания бы не обратили, обернулась для него полугодовой слезжкой. Аргумент был железным: баскетбол — травмоопасный спорт, а страсть к игре мешает учебе. Вывод — вредно для здоровья, а значит, запрещено.

От того, что будет на ужин, до выбора университета — Ю Юань всегда делал бессмысленный выбор. Он пытался бунтовать, но Чжоу Шэннань либо лишала его возможности сопротивляться, используя деньги и связи, либо давила на жалость, привлекая бабушку и Ю Цзюня. Она заставляла его подчиняться «великой материнской любви», но эта любовь душила его.

Лишала воздуха.

Если бы не тот случай, Ю Юань, возможно, терпел бы её всю жизнь, понимая её чувства как матери. Но если эта любовь оправдывает пренебрежение чужой жизнью... Ю Юань лучше станет «неблагодарным сыном», порвет все связи, но отбросит эти удушающие чувства подальше.

С него хватит.

Фан Хуай ткнул его в бедро:

— Ладно, не грузись. Давай о чем-нибудь веселом. Что там тебе первокурсник настроил?

— Понятия не имею, — Ю Юань очнулся и вытащил из-под колена записки. При свете салонной лампы он принялся разбирать корявые строчки. Прочел вслух, недоумевая: — «Жара. Два брата-банана гуляют по улице. Старший — длинноногий, идет впереди. Ему стало жарко, и он разделся. Угадай, что было дальше? Младший брат поскользнулся».

— Что за бред?! — Фан Хуай округлил глаза, выхватил другой листок и, щурясь, прочел: — «У одной спички очень чесалась голова. Она чесала-чесала, долго чесала... В итоге голова загорелась, и спичка сгорела дотла».

Ю Юань замолчал.

— Ну и дела. Рукописные анекдоты, — Фан Хуай почесал затылок. — Один холоднее другого. Читать их еще забавнее, чем слушать. Наш первокурсник — суровый парень. Это он так тебя развеселить решил?

— Похоже на то, — Ю Юань перебирал листочки.

Значит, Шэнь Ся, чтобы его подбодрить, всю дорогу писал эти плоские шутки в трясущейся машине? Его не укачало? Почерк вкривь и вкось, в темноте же ничего не видно... Бумага слабо пахла яблоком. Неужели писал, примостившись на том самом огромном яблоке?

Раздражение, копившееся весь вечер, испарилось без следа. На душе стало легко и светло. Анекдоты были совершенно не смешными, но от них по сердцу разлилось тепло. С легким привкусом яблока.

Ю Юань откашлялся и, притянув Фан Хуая к себе, сказал:

— Тут еще есть, слушай.

Кроме братьев-бананов и чешущейся спички, там был помидор-папа, который вел сына через дорогу, и тот превратился в кетчуп; жираф, который разводился с обезьяной, потому что той для поцелуя приходилось лезть на дерево; и белый медведь, который от скуки выщипал себе всю шерсть и замерз.

— Господи... — Фан Хуай со скучающим видом посмотрел на друга. — Видел бы ты сейчас свою физиономию.

Ю Юань дочитал последнюю страницу, аккуратно сложил листочки и спрятал в подлокотник, словно величайшую ценность.

<http://bllate.org/book/17546/1709235>